

— Леонид Алексеевич, ваши герои, как правило, наделены яркой индивидуальностью. Рассмотреть личность в любом, даже отрицательном герое, выявить энергию этой личности — это ваша принципиальная позиция?

— Да, мои герои часто решительные люди. Поймите, время диктует: нужен на экране человек поступка, умеющий мгновенно реагировать, способный принять решение человек, с которым вам не было бы страшно, в котором была бы степень надежности, крепости, силы. И эта сила прежде всего не физическая, не суперменская — она больше, так сказать, энергетическая. Но в зависимости от роли она может быть разных знаков — положительная или отрицательная. И тогда через такого героя, на основе высокой драматургии можно обучать высоко нравственным вещам даже через негатив. Это и есть моя работа, моя «хирургия». Ведь зачем изображать людей, которые внушают один покой?

Вот был телеспектакль «С вечера до полудня» по пьесе Виктора Розова. Ким — мой герой — явный истерик, порвал портрет жены, которую любит, но мы понимаем, что ему хуже всех. Надо разобраться, что в нем происходит. Он ведь скрывает свои чувства, делает вид, что все замечательно, а у него ноги ходуном ходят. Поступок один — а мысли при этом другие. Все это надо понять и суметь показать сложность внутренней жизни. Мы должны понимать, чем жив человек. А он отнюдь не прост, и двух красок в его определении явно маловато.

Вот так называемые отрицательные роли. Поймите, что играть мерзавца явным мерзавцем легче и вроде бы даже непрестижно сейчас среди актеров (есть такие разговоры). Ведь артист, играющий сознательно, берет характер и психологически его исследует. По поводу моего Виктора в фильме «Грачи» раздавались разговоры — как же можно делать негодяя обаятельным? И в «Экипаже» — как же мог мой герой совершить подвиг, когда он в первой серии такой легкомысленный? То есть мы вроде бы сбиваем с толку аудиторию, но ведь люди понимают, что природа человеческая очень сложна, и чем она сложнее, тем интереснее. И чем сложнее силы, которые сталкиваются на экране, чем сложнее жизнь, тем тоньше можно проследить движение души человека. А полагаться только лишь на впечатление от внешности... Ведь иногда с лицом херувима такой негодяй появляется среди нас — его никогда не распознаешь... Вот и путаем зачастую, подменяем визуальные понятия на внутренние.

— А от чего отталкиваетесь вы при работе над ролью?

— Пытаюсь работать по такому принципу: есть драма или нет. Если нет драмы, то нечего играть. А просто «сняться в кино» — неинтересно. Нет необходимости лишней раз, как артисты говорят, торговать лицом на экране, симулировать какую-то драму. Если нет ее — то роль получается знаковая. Пусть будут выдумки, каскады, трюки — это будет занятно, забавно, это будет в жанре, но если за этим нет драмы, глубины, правды, значит, и играть совершенно незачем.

Есть адвокатура роли. Если я заранее скажу: да, он законченный негодяй, как же я буду его изображать? Ведь я должен найти все то, в чем он мог существовать, — подтянуть базу. И характер поэтому должен быть обязательно сложен, даже если в сценарии он не очень-то выпящен. Должна быть основа для импровизации. Литературный первоисточник может дорабатываться в процессе съемок — не обязательно словесно — это иногда чисто постановочное или

Разговаривая с ним, невольно задаешься вопросом о секрете актерской популярности (а Леонид Филатов сегодня, безусловно, один из популярнейших актеров театра и кино). И невольно приходишь к выводу, что ответ здесь, наверное, не может быть однозначным, а складывается из нескольких факторов. Это и удивительное личное обаяние, которым он щедро наделяет своих героев, пользуясь всей палитрой выразительных средств своего остро, стремительного темперамента. Это и высокая степень профессионализма. Это, вероятно, и потребность выразить себя не только игрой, но и литературным творчеством — в стихах, пародиях, переводах, драматургии...

Леонид ФИЛАТОВ:

«ИГРАТЬ НЕ РОЛЬ, А СУДЬБУ»

актерское проявление. Но импровизация должна быть глубокая, по судьбе героя. Иногда второй план нужно вынести в первый. Но как? Вот актер смеется сквозь слезы, а мы видим, что ему плохо. Это весь второй план? Ведь должно быть еще шесть планов как минимум.

— Наверное, не каждому актеру это дано?

— Это необходимо сегодня для нашей профессии, для достижения нужного уровня. Для этого нужно больше размышлять о жизни, больше стараться проявить себя в других сферах творчества, что еще более обостряет нервы. Иначе... Артиста всегда видно — кто есть кто. Если ни судьбы, ни личности, ничего, то — лицедей, шут гороховый.

— Леонид Алексеевич, а все-таки кем вы считаете себя — артистом кино или театром?

— В свое время я был киноманом — смотрел буквально все подряд, вплоть до мультяшек и географических картин про реку такую-то. И в голове была настоящая картотека — от Люмьеров до наших дней, мог говорить о кино с семи утра до семи вечера. Этот процесс самобразования научил меня разбираться в монтаже, во многих сложных вещах. Сейчас больше работаю, меньше смотрю. И должен сказать, что в нашей профессии мало любить кино. Для начала тебе должно повезти на хороший сценарий, написанный со знанием технологии кинематографа. И мы должны быть не хуже — а это, к сожалению, далеко не всегда бывает. Мы, актеры, конечно, хотим сниматься в хорошей картине, чтоб это было и про душу, и про сердце и чтобы это было профессионально интересно, неожиданно. Иначе — девальвация.

Как же удержаться на плаву? Как сделать так, чтобы не надоесть, не успев сыграть своей главной роли? Все шел к

этому, снимался «лишь бы», а оказывается, за это время потерял репутацию приличного человека. Артисту нельзя играть кое-где и кое-как и при этом оставаться приличным артистом. Сниматься надо только в качественных вещах. Даже когда убеждаешь себя: «Ничего, сыграю, режиссер не понимает, но я-то не дурак, я тут паузу подержу» и так далее. Ничего похожего. Все равно у него в руках ножницы, все равно он хозяин ситуации. Он чисто сюжетно тебя выкроит, отрезав все от и до, оставив только слова, которые ты говоришь в кадре. Так что очень сложное дело кинематограф.

Но, любя его, театр оставить невозможно, хотя по графику это и крайне неудобно: зачастую не могу отлучиться и уехать, не могу заключить договор с картиной, которая мне необходима. Почему я думаю, что и артисту кино нужен театр? Потому что, во-первых, театр — это дисциплина, во-вторых, театр — это дом, это своего рода семья, где можно отдохнуть после киношных боев и зализывать раны, и, в-третьих, самое главное, если кино — мобильный вид искусства, требующий моментальной, секундной готовности, то театр — дело накопительское. Это аккумулятор творческой энергии, запасов, приемов, опыта актерского, питательная среда для артиста — то, что он потом растрчивает в кинематографе.

— Насколько вы после театра на Таганке сейчас чувствуете себя дома в «Современнике»?

— Это сложный момент. Все-таки из дома, где ты прожил шестнадцать лет, уходить трудно, так же как разламывать личную жизнь, уходить из семьи. Но тут мне очень многие обстоятельства помогли, и я считаю, что правильно сделал, что ушел из театра, хотя это и трагично, и мучительно, как всякий

разлом. Но я ушел в место, которое всегда было... сердечным. Здесь знают цену страданиям. И есть там что-то студенческое, студийное, что и у нас в свое время. Самое главное, конечно, — люди, которых я люблю. Это не только прекрасные артисты, но и просто товарищи, к которым я отношусь с уважением или дружбу: и Валентин Гафт, и Марина Неёлова, и Игорь Кваша, и Галина Борисовна Волчек.

— Леонид Алексеевич, вы пишете стихи, пародии, переводите, занимаетесь драматургией: на ТВ по вашим сценариям поставлены спектакли «Ярость», «Часы с кукушкой», «Осторожно, ремонт!», «Художник из Шервудского леса». Какое место занимает литературное творчество в вашей жизни?

— В юности я писал много и незатейливо, как и все дети. Складывалось же удачно, потому что всегда был кто-то из старших рядом, было внимание к тому, что я делаю. У меня не отбили, как это говорится, охоту и печень с самого начала, а, наоборот, всячески поддерживали. Поэтому я стал серьезно заниматься переводами, что продолжал делать и сейчас. В свое время переводил туркменских поэтов, затем французских, венгров. Но должен сказать, что, читая переводы выше классом, все время чувствовал себя несколько поработанно, что ли. Там такие вершины! Ведь перевод требует дисциплины — определенное количество информации должно быть загружено в строчку. И при этой дисциплине обучаешься не разбрасываться словами, а ограничивать себя в возможностях и средствах. На каком-то этапе я понял, что нужно попробовать работать самостоятельно.

Здесь сложность в том, что основная профессия связана графиками, договорами и так далее, а письменный стол — очень ревнивая вещь, этим надо заниматься основательно — и переводами, и стихами, и пародиями.

— А если говорить о ваших литературных пристращениях, то...

— Из поэзии — все фатально связано с Пушкиным. В юности, как последний графоман, через слово в стихотворении вставлял Пушкина или пушкинскую реалию.

Если говорить о сегодняшних писателях, то в прозе близок мне Юрий Валентинович Трифонов, который работал у нас в театре и мне посчастливилось быть с ним знакомым. Люблю и Распутина, и Астафьева, совершенно разных.

— Леонид Алексеевич, а над чем вы сейчас работаете?

— В театре репетирую пьесу Михаила Рошина «Близнецы» — современная драматическая история. Недавно закончили съемки в картине «Берега в тумане» режиссера Юрия Карасика. Фильм совместный, советско-болгарский, — играю председателя советской комиссии по репатриации (действие происходит во время гражданской войны). Продолжаются съемки фильма «Народный комиссар» (его снимает режиссер Александр Зархи), где я играю роль Чичерина.

— Есть роль, о которой вы мечтаете?

— Есть идеи... Я не поклонник заявлений типа «хотел бы сыграть такого-то...» — и называется роль из мирового репертуара. Что ж, играй Гамлета, если готов к этой роли по возрасту, по жизненному и актерскому опыту, — кто откажется? Но когда говорят о мечте... Я за определенную структуру характера — она может встретиться и у Чехова, и у Шекспира — современную, жесткую, острую, драматичную, за которой — судьба человека вплоть до самопожертвования в определенных обстоятельствах. Тогда и работается.

Беседу вел
Наталья БОБРОВА

Фото С. ФУРМАНА